

А.Н.Неминуций

ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ VS МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПАМФЛЕТ (ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ПРОПАГАНДЫ В СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЕ)

Представлен сопоставительный анализ двух пропагандистских артефактов периода советско-финской войны 1939—1940 гг. Советская маршевая песня эксплуатирует возможности «большого стиля» в искусстве, где доминирует монументальность, пафос и актуальная для рецепции потенциальной аудитории мифологическая структура. Истинное назначение и цели войны деформируются созданием ложного по смыслу нарратива. Финский музыкальный памфлет по формальным признакам строится на другой основе. Включенные в текст ирония и сатира на первый взгляд воспринимаются как справедливая оценка действий агрессора. Вместе с тем, композитор и автор текста апеллируют, в первую очередь, к эмоциональному аспекту восприятия и по-своему деформируют реальность. В памфлете актуализируются идеи национальной непримиримости, абсолютно негативной интерпретации общей истории существования государств и демонизация противника. В конечном итоге оба текста в равной степени используют технику манипуляции массовым сознанием, опираясь при этом на особенности менталитета и политической культуры своей аудитории.

Ключевые слова: советский, финский, война, пропаганда, маршевая песня, музыкальный памфлет, деформация реальности, манипуляция

Исторический опыт военных противостояний нового и новейшего времени демонстрирует то, что ни один более или менее крупный конфликт не обходился и не обходится без соответствующего пропагандистского сопровождения. Разумеется, общий характер информационного воздействия, количественный и качественный состав применяемого инструментария зависят от особенностей конкретного исторического периода, национального менталитета, политической культуры, но, с другой стороны, действуют и некие универсальные модели, которые только актуализируются с учетом возникающих контекстов.

Как правило, пропагандистская кампания (в том числе и накануне военных действий) включает публичные заявления официальных лиц и следующую за ними активность разнообразных медиа. Адресат указанных манипуляций всегда двуедин: в первую очередь это внутренняя аудитория с целью ее мобилизации и, естественно, население и армия другой стороны, но уже с противоположными задачами. На определенном этапе к этому процессу подключаются мастера искусств.

Сказанное во многом относится и к событиям советско-финской войны 1939—1940 гг., которой предшествовали безуспешные переговоры об удалении совместной границы от Ленинграда за счет обмена территориями на Карельском перешейке и неподалеку от него. Данные проблемы подробно освещены в современной историографии, к примеру, в трудах В.Н.Барышникова и П.А.Аптекаря и др. [1, 2].

Собственно говоря, вялотекущий обмен пропагандистскими выпадами между Финляндией и Советским Союзом имел место на протяжении как минимум пятнадцати лет до начала зимней войны, но по понятным причинам апогей пришелся на вторую половину 1939 года. Основные этапы указанного процесса освещены в исследованиях В.А.Невежина, С.Вунш и целого ряда как российских, так и финских ученых [3, 4]. В рамках политико-идеологического и военного конфликта появились два получивших известность пропагандистских артефакта: духоподъемная походная песня «Принимай нас, Суоми-красавица», авторами которой стали композиторы братья Покрасс и поэт, работавший под псевдонимом А. д'Актиль, а в качестве ответа на нее — музыкальный памфлет с элементами патетики «Нет, Молотов» (в оригинале — «Njet, Molotoff»), сочиненный композитором-исполнителем Матти Юрва в сотрудничестве с Тату Пеккариненом.

Важно отметить, что до настоящего времени фактически отсутствуют сколько-нибудь достоверные сведения о времени и обстоятельствах создания названных текстов, которые стали своеобразным музыкальным брендом краткосрочной военной кампании.

На уровне версии можно констатировать, что советская песня создавалась по заказу Главного политического управления РККА, курировавшего всю политико-пропагандистскую деятельность военной тематики, причем, скорее всего, работа была выполнена в весьма сжатые сроки. Косвенное подтверждение этому содержится в самом тексте: предпоследний куплет открывается стихами: «Ни шутам, ни писакам юрдовым // Больше ваших сердец не смутить». Дело в том, что 23-го ноября 1939 года в газете «Правда» была опубликована уничижительная по содержанию и стилю статья «Шут гороховый на посту премьера», антигероем которой стал тогдашний премьер-министр Финляндии Аймо Каяндер. В этой связи необходимо напомнить, что непосредственные боевые действия начались 30-го ноября. Считать, что д'Актиль мог самостоятельно, без благословения редакторов-кураторов включить в свой текст такой фрагмент было бы заблуждением. Кроме того, высказанное предположение дает основания, по крайней мере, поставить под вопрос распространенный миф о том, что советское руководство приняло решение о нападении на Финляндию задолго до окончания переговоров.

Нет достоверных сведений и о том, когда состоялось первое публичное исполнение песни, скорее всего она прозвучала по радио. Через какое-то время появилась запись на пластинке (опять-таки в достоверно неустановленную дату), где мелодия предварялась фрагментом выступления на одном из митингов, которые якобы состоялись по всей стране, о чем писала газета «Правда» 28 ноября 1939 года.

Столь же неопределенны сроки создания музыкального памфлета «Njet, Molotoff». Пожалуй, единственным указанием можно считать упоминание в тексте о боях на так называемой линии Маннергейма, которые начались в феврале 1940 года. Скорее всего, она также озвучивалась на радио и, может быть, во время фронтовых концертов. Запись на пластинке датируется 1942 годом, когда Финляндия возобновила войну с СССР уже как союзник Германии. Невозможно установить, был ли памфлет заказным пропагандистским артефактом или проявлением искреннего патриотического порыва, но известно, что некий орган информационного обеспечения военных действий существовал при финском министерстве обороны с 1934 года.

Содержательный анализ двух рассматриваемых текстов резонно начать с презентации их авторов, поскольку данное обстоятельство естественным образом повлияло и на полученный результат, и не его рецепцию.

Приглашение в качестве создателей музыки песни «Принимай нас, Суоми-красавица» братьев Дмитрия и Даниила Покрасс вполне объяснимо и оправдано, поскольку к концу 1930-х гг. они уже имели большой опыт создания произведений подобного жанра (можно вспомнить, к примеру, такие образцы как «Конармейская» (1936, слова А.Суркова), «Москва майская» (1937, слова В.Лебедева-Кумача), «Прощальная комсомольская» (1938, слова М.Исаковского), «Марш танкистов» и «Три танкиста» (1939, слова Б.Ласкина). По известности и популярности с братьями мог соперничать разве что И.Дунаевский. Приобщение же к работе поэта А. д'Актиля выглядит как неоднозначный акт. С одной стороны, он уже имел опыт сотрудничества с Дмитрием Покрассом, написав еще в 1920 году слова к «Маршу конницы Буденного». Правда, к концу 1930-х годов в подобном качестве этот, несомненно, талантливый автор был уже почти забыт и проявлял активность в основном как текстовик Л.Утесова, сочинитель куплетов и романсов. Не исключено, что на принятое решение повлияла протекция композиторов, но возможно и другое объяснение: в 1939 году поэт жил в Ленинграде, а военную операцию было решено проводить (во всяком случае, на начальном этапе) силами Ленинградского военного округа. Поэтому задачу могло поставить какое-то ответственное лицо Главного политического управления на местном уровне. К тому же первое исполнение и запись на пластинке были доверены ансамблю песни и пляски все того же округа.

Созданное совместными усилиями произведение вполне вписалось в парадигму культуры (в том числе политической) своего времени. Тридцатые годы прошлого века — период окончательной победы так называемого «большого стиля» в разных видах искусства или, по терминологии В.Паперного, торжество «культуры два» [5], где одним из самых востребованных элементов становится «имперское возвышенное» [6]. С ним часто связывается идея коллективного мессианства, распространения вовне категорий добра, справедливости, свободы, истины, света. По сути дела, все эти параметры соотносятся с жанром массовой песни, к которому принадлежит опыт братьев Покрасс и А. д'Актиля.

Основной пафос их литературно-музыкального текста заключается в утверждении мысли о необходимости военного похода для освобождения, обитающего в прекрасной стране, но страдающего от угнетения и несправедливости «финляндского народа». При этом вопрос о соответствии заявки и реальности принципиально не возникает, поскольку эта песня (как и многие ей подобные) строится еще и в формате мифологического нарратива, а в нем, как известно, существует особая картина мира. По справедливому мнению, одной из исследовательниц, советский человек, живший в эпоху тридцатых годов, был чрезвычайно «восприимчив к мифообразовательному потенциалу текстов» [7].

Надо признать, что авторы «Суоми» используют названный потенциал весьма умело. Музыкальный ритм органично сочетается с ритмом анапестов д'Актиля, и это в дополнение к смысловым акцентам создает эффект суггестии, который вообще был характерен для советской массовой песни тридцатых годов [8].

Кроме того, автор текста подключает дополнительные средства воздействия на сознание и эмоции потенциальной аудитории, используя, к примеру, визуализацию явлений или понятий. Так, например, комплементарный по содержанию первый куплет завершается имеющей зрительную основу аллегорией — «Суоми-красавица в ожерелье прозрачных озер», а третий грамотно выстроенной метонимией того же качества — «Невысокое солнышко осени // Зажигает огни на штыках».

Нельзя не заметить также апелляцию д'Актиля к другим текстам. Скажем, упомянутая аллегория в первом куплете несет в себе фольклорный мотив (девица-красавица в заточении, за воротами), а, кроме того, ассоциируется еще с метафорами и аллегориями, например, ломоносовских од. Стихи, завершающие третий куплет, неявно отсылают к пушкинскому стихотворению «Клеветникам России» (1831), где упомянута «сверкающая стальная щетина» штыков. Как еще один убедительный аргумент в пользу неизбежного успеха освободительного похода используется напоминание о давнем и не очень давнем героическом прошлом: «Мы привыкли брататься с победами».

Вместе с тем в тексте периодически возникает когнитивный диссонанс. Уже во втором куплете миролюбивый тон сменяется агрессивным: «Ломят танки широкие просеки» и т.д., но по мере развития сюжета слушателям должно стать ясно, что угроза адресована не стране и ее народу, а угнетателям, политическим шутам, с которыми надо помочь расправиться и вернуть похищенную ими родину.

Справедливости ради надо отметить, что д'Актилю не удалось создать однородный по качеству текст. Два предпоследних куплета явно выпадают из общего поэтического строя, опускаются до уровня довольно примитивной агитки и напоминают рифмованные тезисы газетной статьи.

Песня была переведена на финский язык, но даже если ее использовали как средство пропаганды по отношению к аудитории противника, в таком виде эффект мог быть минимальным. Однако для внутреннего употребления был создан весьма действенный инструмент манипуляции, вдохновляющий ложный посыл которой, несомненно, внес свой вклад в мобилизацию сознания участников боевых действий.

Финский ответ на первый взгляд может показаться абсолютной противоположностью по многим показателям. Доминирующая в тексте ирония, переходящая в злую сатиру, представляется вполне оправданной хотя бы потому, что 30-го ноября 1939 года границу перешли советские войска и пострадавшей стороной, на самом деле, была Финляндия. Акция вызвала жесткую реакцию международного сообщества, и уже в начале декабря СССР был исключен из тогдашнего аналога ООН — Лиги наций. Это произошло, невзирая на заявление наркома иностранных дел В.М.Молотова, который утверждал, что Советский Союз не ведет войну против Финляндии, а только оказывает помощь якобы законному, а на самом деле созданному за несколько дней до начала конфликта марионеточному правительству под руководством коммуниста Отто Куусинена.

В частности, для опровержения советской пропаганды композитор-исполнитель Матти Юрва и поэт Тату Пеккаринен создают упомянутый текст, который быстро приобрел известность. Такой эффект был предсказуем, потому что авторы были чрезвычайно популярными и не только в Финляндии: в частности, Юрва в конце 1920-х годов совершил успешный гастрольный тур по Америке.

Если композиторов Покрасс можно условно назвать монументалистами, то Юрва подвизался в совершенно иных жанрах: он был, прежде всего, эстрадным и даже салонным певцом, создавал лирические и танцевальные композиции, часто выступая в сопровождении эстрадного же оркестра под руководством финского музыканта русского происхождения Жоржа Годзинского. Соавтор — Матти Юрва — специализировался на сочинении куплетов (в том числе сатирических), что называется на злобу дня.

Сотрудничество композитора с Пеккариненом продолжалось довольно долго и эффект узнаваемости сыграл важную роль в успехе созданного текста. Кстати, памфлетом “Njet, Molotoff” дело не ограничилось: позже были созданы песни «Линия Маннергейма» (“Mannerheimin linjalla”) и «За Урал» (“Uraliin”), которые, однако, хитами не стали.

Несмотря на отличия, ответ на советскую песню можно рассматривать по многим параметрам именно как пропаганду. Финская исследовательница Синikka Вунш в своей монографии тщательно рассмотрела, как разворачивался в национальных медиа 1930-х годов процесс создания образа врага в лице СССР и потенциальной жертвы — Финляндии [4, с. 128]. Поэтому сочинение Юрва — Пеккаринена воздействовало на хорошо подготовленное сознание, сработал эффект оправданного ожидания.

Текст музыкального памфлета структурирован по классической пропагандистской модели: собственная сторона позиционируется как невинная жертва агрессии, но жертва, не лишенная героизма и мужества (отсюда пафос в запеве-рефрене: «Финляндия! Финляндия!»).

Соответственно противник одновременно демонизируется и унижается. Не случайно уже в речитативе-преамбуле советские войска пренебрежительно именуется «иванами» (кстати, в советской довоенной пропаганде по отношению к финнам такой прием отсутствует). Можно к месту добавить, что те же «иваны» в валенках, убегающие за Урал от финской армии, появляются в упоминавшейся песне «За Урал». Не исключено, что Пеккаринен, успевший пожить в Великом княжестве Финляндском, как части Российской империи, мог владеть русским языком, поэтому в его тексте встречаются русизмы или просто языковые кальки: “harosii” (хорошо), “marosii” (мороженое), “tšjort vozmii” (черт возьми), “politrukit” (политруки).

Непременный атрибут такого текста — выборочный обзор истории, в котором выделяются и акцентируются исключительно негативные моменты. Данный ряд открывается еще одним русизмом — написанием обидного прозвища финнов — «чухна», что, конечно же, на подсознательном уровне должно было консолидировать оскорбленную нацию.

В припеве много раз повторяется имя одного из последних генерал-губернаторов Великого княжества Финляндского Николая Ивановича Бобрикова. Причем в данном случае не вполне ясно, о какой его лжи идет речь: этот государственный деятель проводил жесткую политику русификации и делал это вполне открыто, мотивируя свою политику тем, что считал вверенную ему губернию частью Российской империи, за что и был убит в здании финского Сената террористом-патриотом. Но в пропагандистском тексте, как уже можно было убедиться, истина не важна, в сознание слушателя посылается однозначно негативный сигнал. Ту же функцию выполняет и стих о даче Молотова, которая должна быть за только Уралом, если учитывать то, что для любого тогдашнего жителя Суоми напоминание о весьма распространенных на финских землях еще с конца XIX века русских дачных владениях очевидно воспринималось в конкретном контексте как раздражающий и даже болезненный факт.

Наконец, еще один почти обязательный знак в общем ряду — наименование и, опять-таки, демонизация политических лидеров воюющей против отечества страны. В памфлете Юрва — Пеккаринена это тоже есть — Молотов и Сталин исполняют роль символов-страшилок, окончательно формируя нужное отношение к военному противнику. В сочетании с весьма удачно выстроенной (как и в советском аналоге) словесно-музыкальной структурой пропагандистский текст становится мощным средством управления сознанием аудитории, что, собственно говоря, и является основным заданием искусства подобного рода.

Обстоятельства сложились так, что обе песни в активном восприятии просуществовали недолго. Финляндия потерпела поражение, а победа Советского Союза оказалась пирровой. Затем события Второй мировой войны заслонили то, что происходило на Карельском перешейке. И хотя со стороны Финляндии была еще война-продолжение, на сегодняшний день уже российско-финская граница находится точно на том месте, где должна была проходить в случае успешных переговоров между странами.

Цена же за зимнюю войну и сопровождавшую ее пропагандистскую кампанию — десятки и десятки тысяч потерянных жизней с обеих сторон. Естественным образом в связи со сказанным возникает проблема ответственности деятелей искусства за участие в таком специфическом виде самореализации.

Приложение

«Принимай нас, Суоми-красавица»

Музыка: Даниил и Дмитрий Покрасс Слова: Анатолий Д'Актиль

Сосняком по откосам кудрявится
Пограничный скупой кругозор.
Принимай нас, Суоми — красавица,
В ожерелье прозрачных озёр!
Ломят танки широкие просеки,
Самолёты кружат в облаках,
Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на штыках.
Мы привыкли брататься с победами
И опять мы проносим в бою
По дорогам, исхоженным дедами,
Краснозвёздную славу свою.
Много лжи в эти годы наверчено,
Чтоб запутать финляндский народ.
Раскрывайте ж теперь нам доверчиво
Половинки широких ворот!
Ни шутам, ни писакам юродивым
Больше ваших сердец не смутить.
Отнимали не раз вашу родину —
Мы приходим её возвратить.
Мы приходим помочь вам расправиться,
Расплатиться с лихвой за позор.
Принимай нас, Суоми — красавица,
В ожерелье прозрачных озёр!

Njet, Molotoff!

Музыка: Матти Юрва

Слова: Тату Пеккаринен

Poisesti rallatellen lähti Iivana sotaan,
Весело напевая, Иван отправился на войну,
mutta joutuessaan Mannerheimin linjalle
но, попав на Линию Маннергейма,
muuttuikin nuotti paljon surullisemmaksi,
запел уже грустнее
kuten seuraavasta kuulemme:
как и услышим дальше:
Finlandia, Finlandia,
Финляндия, Финляндия
sinne taas matkalla oli Iivana.
Туда опять направлялся Иван
Kun Molotoff lupasi juu kaikki harosii,
Когда Молотов обещал, что будет все хорошо
huomenna jo Helsingissä syödään marosii.
Завтра уже в Хельсинки будем есть мороженое
Njet Molotoff, njet Molotoff,

Нет, Молотов, нет, Молотов
valehtelit enemmän kuin itse Bobrikoff.
Ты лгал больше, чем сам Бобриков
Finlandia, Finlandia,
Финляндия, Финляндия
Mannerheimin linjan oli vastus ankara.
Сопротивление линии Маннергейма было яростное
Kun Karjalassa alkoi hirvu tulitus,
Когда в Карелии началась ужасная стрельба
loppui monen Iivanan puhepultus.
Закончилась и болтовня многих Иванов
Njet Molotoff, njet Molotoff,
Нет, Молотов, нет, Молотов
valehtelit enemmän kuin itse Bobrikoff.
Ты лгал больше, чем сам Бобриков
Finlandia, Finlandia,
Финляндия, Финляндия
sitä pelkää voittamaton Puna-Armeija.
Ее боится непобедимая Красная Армия
Ja Molotoffkin sanoi että katsos tsjort vozmii,
И Молотов сказал, мол, смотрите-ка, черт возьми,
Tsuhna aikoo käydä meitä kraivelista kii.
Чухна собирается взять нас за глотку
Njet Molotoff, njet Molotoff,
Нет, Молотов, нет, Молотов
valehtelit enemmän kuin itse Bobrikoff.
Ты лгал больше, чем сам Бобриков
Uralin taa, Uralin taa,
За Уралом, за Уралом —
siellä onpi Molotoffin torpan maa.
Там находится дача Молотова
Sinne pääsee Stalinit ja muutkin huijarit,
Туда попадут все Сталины и другие обманщики
politrukit, komissaarit ja petroskoijarit.
Политруки, комиссары и петрозаводские мошенники
Njet Molotoff, njet Molotoff,
Нет, Молотов, нет, Молотов
valehtelit enemmän kuin itse Bobrikoff.
Ты лгал больше, чем сам Бобриков

1. Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне: восточная политика Финляндии в 1930-е гг. СПб.: С-ПбГУ, 1997. 351 с.
2. Аптекар Павел. Советско-финские войны. М.: Яуза; Эксмо, 2004. 384 с.
3. Нежежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939—1941 гг. М.: АИРО—XX, 1997. 284 с.
4. Вунш Синikka. «Красная угроза». Образ СССР в финской прессе. 1939—1949. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2011. 462 с.
5. Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 45.
6. Кларк Катерина. Имперское возвышенное в советской культуре второй половины 1930-х годов. [Электр. ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2009/06/26/klark/> (дата обращения: 04.11.2019).
7. Брюггеманн Карстен. Миф о «большой советской семье» в массовых песнях 1930-х годов, или Советский Союз как поющий пионерский лагерь // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XII Zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture. VI sējums, I daļa. Daugavpils: Daugavpils Universitātes izdevniecība “Saule”, 2003. С. 29.
8. Кукулин Л.В. Лирика советской субъективности: 1930—1940 // Филологический класс. 2014. № 1(35). С. 12.

References

1. Baryshnikov V.N. Ot prohladnogo mira k zimney voyne: vostochnaya politika Finlyandii v 1930-e gg. [From the Chilly Peace to Winter War: Eastern Policy of Finland in the 1930s]. Saint Petersburg, 1997. 351 p.
2. Aptekar Pavel. Sovetsko-finskiye voyny. [Soviet-Finnish wars]. Moscow, 2004. 384 p.
3. Nevezin V.A. Sindrom nastupatel'noy voyny. Sovetskaya propaganda v preddverii “svyashchennykh boyev” 1939-1941 gg. [Syndrome of Attack War. Soviet Propaganda on the Eve of “Sacred Battles” of 1939—1941]. Moscow, 1997. 284 p.
4. Vunsh Sinikka. “Krasnaya ugroza”. Obraz SSSR v finskoy presse. 1939—1949. [“Red Threat”. The Image of the USSR in Finnish Press. 1939—1949]. Saint Petersburg, 2011. 462 p.
5. Paperny V. Kul'tura Dva. [The Culture Two]. Moscow, 1996, p. 45.
6. Klark Katerina. Imperskoye vozvyshennoye v sovetskoy kul'ture vtoroy poloviny 1930-h godov. [Imperial Sublime in the Soviet Culture of the 2nd Half of the 1930s]. Available at: <http://polit.ru/article/2009/06/26/klark/> (accessed: 04.11.2019).

7. Bryuggemann Karsten. Mif o "Bol'shoy sovetskoy sem'ye" v massovyh pesnyah 1930-h godov, ili Sovetskiy Soyuz kak poyushchiy pionerskiy lager' [The Myth of the 'Great Soviet Family' in the Mass Songs of the 1930s, or the Soviet Union as a Singing Pioneer Camp]. Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XII Zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture. VI sējums, I daļa. [Myth of the "Big Soviet Family" in Mass Songs of the 1930s, or the Soviet Union as a Singing Pioneer Camp]. Daugavpils, 2003, p. 29.
8. Kukulin L.V. Lirika sovetskoy sub'yektivnosti: 1930—1940 [Lyric of the Soviet Subjectivity: 1930—1940]. Filologicesky klass, 2014, no. 1(35), p. 12.

Neminushchy A.N. March song vs musical pamphlet (propaganda tools in the Soviet-Finnish war). The present article provides a comparative analysis of two propaganda artefacts of the period of the soviet-Finnish war of 1939—1940. Soviet march song exploits the opportunities of the "great style" in art with the dominance of monumentality, pathos and mythological structure that is actual for the reception of the potential audience. The true goal and aims of the war are deformed by creating a mendacious narrative. Finnish musical pamphlet is built as to its formal features on different grounds. Irony and satire included in the text at the first glance are perceived as a just evaluation of the aggressor's actions. At the same time, the composer and the author of the lyric appeal, first and foremost, to the emotional aspect of the perception and distort reality in their own way. Pamphlet foregrounds ideas of national strife, totally negative interpretation of the general history of the existence of states and demonization of the enemy. All in all, both texts to an equal degree apply the technique of manipulation with mass consciousness proceeding from the peculiarities of the mentality and political culture of their audience.

Keywords: Soviet, Finnish, war, propaganda, march song, musical pamphlet, distortion of reality, manipulation.

Сведения об авторе. Аркадий Николаевич Неминуший — доктор филологии, профессор, Даугавпилсский университет (Латвия), Гуманитарный факультет, кафедра русистики и славистики; ORCID: 0000-0003-2702-0776; arkadij05@inbox.lv.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.12.2020. Принята к публикации 10.01.2021.

Ссылка на эту статью: Неминуший А.Н. Походная песня vs музыкальный памфлет (из инструментов пропаганды в советско-финской войне) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1(34). С. 129-134. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).123-128

For citation: Neminushchy A.N. March song vs musical pamphlet (propaganda tools in the Soviet-Finnish war). Memoirs of NovSU, 2021, no. 1(34), pp. 129-134. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).123-128